

писателей и поэтов, посвященной 200-летию поэта: «Духовной жаждою томим. 237 произведений писателей Урала» (Екатеринбург, 1999). Примеры можно умножить, важна корректность в их использовании. Знание краеведческого и литературного материала к каждой изучаемой теме позволяет учителю в той или иной форме иногда вскользь упомянуть интересный факт или из научной статьи, монографии уральского литературоведа подготовить сообщение, реферат и т.д. (Ермоленко С.И. – о Лермонтове; Дергачев И.А. – о Мамине-Сибиряке; Субботин – о Маяковском, Есенине; Созина Е.К., Проскурина Ю.М. – об определенном периоде в литературе XIX века, Щенников Г.К. – о Достоевском; Быков Л.П. – об уральской поэзии и т.д.).

Опыт работы подтверждает глубокий интерес и студентов, и учителей-словесников к изучению литературы Урала. Важно в максимально короткий срок оказать им не только теоретическую, но и методическую помощь в более рациональном включении регионального компонента в школьное преподавание курса. Пропедевтический путь – один из таких, пока еще мало практикуемых аспектов в работе учителя-словесника. Следовательно, в вузовском преподавании региональный компонент быть обязан.

Примечания

¹ Лосева Л.И. Литературная пропедевтика на уроках русского языка. // Проблемы лингвистического образования школьников. Екатеринбург, 2000. С.70–73.

© В.Я. Малкина
Москва

ИСТОРИЗМ В РОМАНЕ В.Я. БРЮСОВА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»

«Огненный ангел» В.Я. Брюсова – роман исторический. Однако этот роман весьма отличается от классических исторических романов, прежде всего – вальтер-скоттовских. При ответе на вопрос, в чем именно состоят эти различия, полезно будет обратиться к проблеме историзма в его сочетании с авантюристностью.

Историзм нами понимается, согласно точке зрения М.И. Стеблин-Каменского, как «гипотеза нетождества»¹, то есть предположение, что психология средневекового человека нетождественна психологии современного человека. То есть историзм появляется не тогда, когда замечаются различия в образе жизни, быте и т.п., а когда осознаются отличия в человеческой психологии. Кроме того, историзм предполагает наличие у автора определенной концепции исторического развития, философии истории и т.д.

Все это присутствует и в романах Вальтера Скотта, и в «Огненном ангеле», однако воплощается по-разному.

У шотландского романиста историзм воплощается в персонажах и сюжете. Как известно, «средний» герой В. Скотта – частный человек, против воли вовлеченный в исторический конфликт. Обычно он связан с обеими воюющими сторонами (однако целиком не принадлежит ни к одной), встречается с историческими личностями, но в то же время его главная задача вовсе не способствовать разрешению политического кризиса, а устроить свою собственную жизнь, обрести (повысить) свой социальный статус, завоевать любовь и т.д. То есть герой преследует цели не государственные, а личные. На пути к этому он встречает различные препятствия, попадает в разнообразные авантюры. Все основные сюжетные ситуации вальтер-скоттовских романов (поединки, суд, осада и т.п.) – ситуации авантурные. Они являются обязательным и необходимым элементом, герой должен через них пройти, чтобы достичь цели.

Но при этом он, всего лишь поступая согласно своим представлениям о долге и чести, оказывается необходимым звеном для разрешения политического конфликта. Таким образом, главный герой романов В. Скотта, подчас сам о том не подозревая, связывает две противостоящие друг другу стихии – общественную и личную².

Итак, у В. Скотта историзм – это, прежде всего, исторические характеры и исторический конфликт, историзм воплощается в сюжетной структуре романа.

Иначе у Брюсова. Авантюры в «Огненном ангеле», конечно, есть, но это – отклонение жизненного пути от нормы.

Сюжет романа строится таким образом: Рупрехт возвращается из дальней поездки, имея четкие жизненные планы – посетить свой родной город Лозгейм и вернуться обратно в Новую Испанию. Случайная встреча с Ренатой нарушает эти планы и тянет за собой две цепи авантюры, тесно сплетенных между собой (одна связана с отношениями Рупрехта и Ренаты, вторая – с контактами с потусторонними силами). В конце концов, герой едет в Лозгейм, а потом возвращается в Новую Испанию. Получается, что в конце происходит явный возврат к началу. Таким образом, все авантюры, описанные в романе, являются как бы отклонением от нормы, они заставляют героя свернуть со своего жизненного пути. То есть здесь проявляется подход, прямо противоположный вальтер-скоттовскому, где авантюры были средством для героя занять свое место в обществе. В «Огненном ангеле», напротив, цепочка авантур вырывает героя из естественного течения жизни – и, соответственно, из общества.

Следовательно, центр романа перемещается с сюжета на стилизацию. Стилизация в историческом романе присутствовала и раньше (в «Роб Рое» В. Скотта или в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, например), но только как тенденция. В «Огненном ангеле» стилизация является жанровой.

Роман В.Я. Брюсова представлен как рукопись, написанная в далеком прошлом и случайно обнаруженная. Она сопровождается предисловием издателя-переводчика, которое представляет собой краткий анализ основного текста, изложение биографии автора рукописи, подтверждение время написания «правдивой повести», доказательства ее подлинности. При этом издатель всячески старается подчеркнуть дистанцию между временем написания романа и современностью.

В целом же структура романа может быть представлена следующим образом:

1. Предисловие к русскому изданию.
2. Заглавие, фактически излагающее основное содержание романа. Оно воспроизводит стиль заголовков средневековых произведений.
3. Посвящение (*принадлежит автору рукописи*).
4. Предисловие автора.
5. XVI глав собственно «правдивой повести».
6. Объяснительные примечания (*принадлежат издателю*).

Они фактически являются продолжением предисловия издателя и содержат исторический и реальный комментарий, являющийся неотъемлемой частью любого исторического романа. Только чаще он присутствовал непосредственно в тексте – либо в виде исторических справок и всякого рода отступлений, либо в виде подстрочных примечаний. В том случае, если рассказ представлен как воспоминания, необходимость комментария мотивируется тем, что рукопись адресована молодому поколению, которое может не знать каких-то реалий прошлого.

В.Я. Брюсов же поступает по-другому. Комментарий он выносит за рамки основного текста. Это принципиально важно, ведь посвящение, предисловие и сама «правдивая повесть» написаны с точки зрения участника событий, то есть человека XVI века. Он никак не мог написать примечания к собственному сочинению – хотя бы потому, что для того времени такого рода комментарии излишни. А автор «правдивой повести» никогда не выходит за пределы своего кругозора, эта точка зрения строго выдерживается.

Причем, в отличие, скажем, от «Роб Роя», где принадлежность романа к жанру записок обусловлена только несколькими фразами в начале и в конце, у Брюсова стилизация четко выдержана на протяжении всего романа, причем это стилизация именно жанра (жанров), в том числе и характеризующих культуру определенной эпохи⁴. То есть историзм у В.Я. Брюсова заключается не в том, **какие** события описаны, а в том, **как** они изображаются.

Однако специфика историзма в «Огненном ангеле» этим не ограничивается: историзм сочетается здесь с тем, что можно назвать «готическим антропологизмом», отношением к человеку, характерным для «готических» романов.

Если историзм как «гипотеза нетождества» предполагает наличие изменений в человеческой психологии, то «готический» роман утверждает неизбежность основных нравственных и этических ценностей.

В романе В.Я. Брюсова есть и то, и другое⁵. Конфликт строится на проверке вечных нравственных ценностей. Выбор, который делает герой, это выбор не между политическими лагерями, а между спасением души и ее гибелью, затрагивается вечная этическая проблематика, а не только характерная для конкретной исторической ситуации⁶.

Таким образом, специфика историзма в «Огненном ангеле» заключается в следующем. Во-первых, историзм воплощается в стилизации, а не в сюжете, как это было у Вальтера Скотта, а во-вторых, историзм сочетается с «готическим антропологизмом», то есть наряду с осознанием изменений в человеческой психологии признается и наличие вечных нравственных ценностей.

Примечания

¹ Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. М., 1984. С.7.

² Подробнее о структуре романов В. Скотта см.: Долинин А.С. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988; «Капитанская дочка» и судьбы исторического романа в России // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 44–53; Lukacs G. The Historical Novel. Harmondsworth, 1969 и др.

³ И стилизация настолько точная, что, как известно, в Германии приняла немецкий перевод романа за подлинную немецкую рукопись XVI века.

⁴ У В. Скотта тоже можно обнаружить подобное сочетание, но с заметным преобладанием историзма. Тем не менее в «Айвенго» присутствует сюжетная линия Бриан де Буагильбер – Ревекка, сходная с линией Рупрехт – Рената. Напротив, преобладание «готического антропологизма» можно наблюдать в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери».

⁵ Подробнее о сочетании традиций исторического и «готического» романов см. в нашей работе: Жанровое своеобразие романа В.Я. Брюсова «Огненный ангел» // Материалы Второй конференции «Литературный текст: проблемы и методы исследования». Тверь, 1998. С.85–88.

© А.Ю. Мамон
Калининград

«ГОЛОВА» И «СЕРДЦЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. ПЛАТОНОВА

Культурная и языковая традиции обнаруживают противопоставление головы как мыслительного органа и сердца как органа души. Это
188